

Глобальные проблемы, информатизация, рынок

© 2010 А.А. Павлушина

доктор юридических наук, профессор, директор института права
Самарский государственный экономический университет
E-mail: Pavlushina@inbox.ru

В статье подвергается анализу ближайшая перспектива жизни права в информационном обществе. По мнению автора, глобальные проблемы всего человечества в ситуации информационного общества получают больше шансов на совместное правовое разрешение, с одной стороны, благодаря высокой информированности о действительном состоянии дел государств, сообществ и групп, с другой - в силу вынужденного развития межгосударственного варианта права в информационном обществе.

Ключевые слова: информационное общество, международно-правовые меры воздействия, национальное право, Европейский Суд по правам человека, правотворчество и правоприменение, континентальное право, европейский общественный порядок, государство-носитель, публичная власть, глобальные проблемы, источник права.

Если не смотреть на право глобально и исходить из ближайшей, а не отдаленной его перспективы, т.е. полагать стабильной возможность его развития и сохранения (очевидно, что в новом более “международном” качестве), то должны быть прямо поименованы основные направления его взаимодействия, а соответственно, и взаимообусловленности с новыми “технологическими” возможностями нарождающегося информационного общества. То, что это двустороннее влияние, ясно: не имея на данный момент иного реального регулятора общественных отношений, кроме права, человечество вынуждено приложить его к новому кругу отношений, которые и сами, в свою очередь, определяют его содержание, меняют формы и способы его существования и обеспечения и т.д.

Безусловно сложно, а подчас и невозможно провести грань между тем, где кончается экономика и начинается право и политика. Невозможно также и однозначное предсказание тех общих путей, по которым реально на практике пойдет развитие мирового хозяйства, государственно-субъектного мироустройства и т.д. Тем не менее попытаемся определить пути такого взаимодействия, как ближайшую перспективу жизни права в информационном обществе. Итак, глобальные проблемы всего человечества, такие как изменение климата, формирование ноосферы, борьба с эпидемиями и болезнями, геологические изменения, бедность и голод, стихийные бедствия и численность населения, в ситуации информационного общества получают больше шансов на совместное правовое разрешение, с одной стороны, благодаря высокой информированности о действительном состоянии дел государств, сообществ и групп, с другой - в силу вынужден-

ного развития межгосударственного варианта права в информационном обществе.

Г. Кенни-Уолес разработала перечень критических потребностей современной цивилизации, которые, по мнению ученых, не могут быть разрешены вне более тесного (в том числе и посредством надгосударственных правовых форм) сотрудничества. К ним в соответствии с этим одобренным многими учеными мира списком относятся: вся информационно-технологическая сфера, прежде всего фотоника, телекоммуникации, мультимедиа, телеобучение; интегральный подход к здравоохранению, очистка от ядерных загрязнений, мониторинг, безопасное хранение биологического, химического и другого оружия; вся “большая наука”, включая космические исследования, природные катаклизмы, пресноводные ресурсы, всемирные продовольственные проблемы, океан, включая очистку от загрязнений, рыбоохрану и т.д.; проблемы окружающей среды, увеличение численности населения, рынки труда, демография бедности, изменение климата, экономическая эмиграция и др.

На фоне названных общеизвестных проблем научная и вненаучная информация изначально не может быть закрытой. Выводы, к которым по перечисленным проблемам приходит научное сообщество на различных посвященных им форумах, однозначны: “Проблемы, с которыми столкнется человечество, будут очень серьезными... Изменение масштабов и сложность научно-технических проектов превосходят возможности национальных финансовых и интеллектуальных ресурсов для их организации”¹, “Очень важно не устанавливать экономических и политических границ для развития науки и техники. Автаркия для науки будет разрушительна”². Соот-

ветствовать им должен и юридический процесс будущего – “процесс без границ”.

Совершенно объективным в связи со всеми вышеобозначенными направлениями взаимодействия является и процесс конвергенции национальных законодательств и правовых систем, и усиление международно-правовой составляющей права. Эта вполне очевидно наметившаяся уже тенденция будет развиваться, придавая праву новые механизмы упорядочения и обеспечения, равно как и новое качество межгосударственным связям. Разрушительной автаркия будет и в случае чрезмерных попыток локализовать национальные правовые системы, отрешившись от установления как общих стандартов создания, движения и использования информации в обществе, так и новых механизмов правового взаимодействия, каковым является, например, Европейский Суд по правам человека, корректирующий фактически правоприменительной деятельностью национальные законодательства для достижения их соответствия общеправовым стандартам, установленным Европейской конвенцией по правам человека. Можно обсуждать масштабы и пределы проникновения этого международного по существу учреждения во внутренний суверенитет государств-участников³, однако следует признать, что насколько “в Интернете отсутствуют географические и геополитические границы государств – участников Сети, в связи с чем происходит “столкновение” и ломка национальных законодательств”⁴, настолько и реальной является на сегодняшний день перспектива создания значительно более объемной, нежели действующая, системы правовых стандартов, обязательных для государств, готовых в будущем участвовать в общем процессе неизбежной “конвергенции” национальных законодательств.

Известно, что в настоящее время в науке сложились две диаметрально противоположные точки зрения о судьбе права вообще. В основе первой – общая неприменимость права в среде Интернет и определение его перспективы в этой связи как перехода к саморегуляции. В основе второй лежит традиционная “обязательность применения права, но при учете особенностей и юридических свойств” новых объектов и отношений”⁵. Всецело разделяя вторую как ближайшую перспективу развития права, мы уверены, что рациональный подход со стороны государств и правительств должен заключаться в движении по пути самоограничения по публично значимым в планетарном масштабе проблемам. В этом смысле вполне логична современная российская внешняя политика, свидетельствующая об из-

брании именно такого подхода. Так, А.В. Яковенко указывает: “В силу глобального характера проблем преодолеть их можно только совместными усилиями всего мирового сообщества, в полной мере задействуя потенциал многосторонней дипломатии, опирающейся на *международное право*. Как и в обществе свободных людей, в обществе свободных государств необходимо универсальное регулирующее начало, чтобы обеспечить в международных делах предсказуемость и доверие. Без коллективных действий, основанных на уважении к международной законности, не будет успеха ни в борьбе с международным терроризмом, ни в решении проблем ресурсного обеспечения человечества без ущерба для окружающей среды, ни в достижении целей глобального развития, включая преодоление технологического разрыва и искоренение бедности на основе обеспечения всем государствам равного доступа к преимуществам глобализации”⁶.

В.А. Туманов справедливо указывает на следующие ограничения компетенции Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) в отношении любого государства – участника Европейской конвенции: ЕСПЧ не вправе отменять правовые акты и нормы внутреннего законодательства или требовать их отмены, равно как и принятия иных властных мер по обстоятельствам рассматриваемого дела; не вправе отменять акты национальных судов, поскольку не является по отношению к ним вышестоящей инстанцией; его решения даже для государства, выступавшего стороной по данному делу, не носят прецедентного характера. «Понятие “прецедентное право Суда”, юридически значимое для его судебной практики, к соотношению “Суд – правовой порядок государства-ответчика” неприменимо в юридическом значении понятия “прецедент”»⁷, – отмечает он.

Несмотря на перечисленные, в общем очевидные и вытекающие именно из международного договора постулаты, на практике наблюдается высокая степень готовности государств-участников воспринять акты ЕСПЧ не в части персонализированных выплат и компенсаций, а в части рекомендаций по совершенствованию правопорядка, как прямое руководство к действию, как *источник права*⁸.

В настоящее время вполне логично предположить, что итогом взаимодействия информационных технологий и права будет дальнейшее развитие международно-правовых мер воздействия, обычно применяемых в случаях нарушения или неисполнения международно-правовых обязательств, а круг возможных к применению

всей системой международных судов санкций расширится, затронув прежде всего таких субъектов, как государства, не перестающие при этом быть носителями национального права. Последнее уже и сейчас зависит, а с приходом информационных технологий еще больше будет зависеть от международных правовых стандартов, принимаемых в порядке выработанного уже механизма международных договоров и соглашений.

Существует точка зрения, что в силу возможности лишь в наиболее общем, принципиальном виде определить эти стандарты со временем в данных процессах не может не наместиться движение и в сторону нормативного варианта упорядочения различных стандартов. (В этом смысле можно, например, вспомнить реально принятые между странами Евросоюза нормативы выхлопов автомобильного и авиатранспорта; конкретные нормативы пребывания на территории государств, входящих в него, переход к конкретике общих правил по трудовому стажу, размерам и порядку назначения пенсий, размерам инвестиций для получения гражданства и т.д. и т.п.⁹)

Важно отметить, что одной из таких неизбежно связанных с правом глобальных проблем является всеобщее и единообразное разрешение вопроса о том, насколько уместны рыночные механизмы в регулировании новых информационных отношений в информационном обществе, либо они должны быть отвергнуты на каких-то качественно иных правовых основах нового же права. Возможна ли присвоенность информации и движение ее в качестве товара, а равно и возможность информационного обеспечения этой присвоенности? В экономических науках давно и достаточно устойчиво называют информацию товаром, признают существование информационного рынка товаров, услуг, креации, труда и т.п.¹⁰ Однако как юристы, так и политологи не без оснований сомневаются в повсеместной применимости рыночных механизмов как в информационном обществе вообще, так и в отдельных новых сферах человеческих отношений в частности. В некоторых работах по взаимодействию права и информации упоминаются компании, имеющие доход именно от сбора и распространения персональных компьютерных данных, исчисляемый миллиардами долларов, причем известно, что самое большое в мире состояние (на 1997 г.) составлено не на нефти, земле и золоте, а на “сером веществе”.

Так, применительно к существу проблемы С. Гарфинкель отмечает, что именно примене-

ние рыночных механизмов приводит к реально существующей в информационной сфере ситуации, когда, “несмотря на то, что некоторые специальные технологии могут быть использованы для защиты персональной информации, подавляющее большинство достижений в области современных технологий работает на противоположную цель”¹¹. И это результат ничего иного, как рыночных основ жизни.

Известный американский экономист Л. Туроу не без оснований применительно именно к процессам информатизации общества отмечает: “На смену капитализму придет нечто иное, настолько далекое от нынешних концепций, что мы не имеем о нем пока никакого представления”¹². Он же отмечает: “Для того, чтобы работал капитализм, нужно знать, кто чем владеет”, - при этом завладеть информационным ресурсом как богатством в условиях ныне сложившихся социальных систем не просто соблазнительно, а логично естественно, ибо “завершается экономическая эпоха, когда богатство базировалось на обладании естественными ресурсами... Микроинформатика, биотехнология, синтетические материалы, коммуникации - таковы новые источники будущего экономического роста, а национальные экономики развиваются в направлении формирования мировой экономики, интересы которой противостоят эгоистическим подходам национальных правительств, озабоченных благосостоянием “своих” избирателей”¹³.

На противоречивость сосуществования информационного общества и рынка, а соответственно, и на формирование настоятельной необходимости посредством все же правовых средств привести ситуацию с регулированием этих отношений к общему знаменателю указывает директор НТЦ “Информрегистр” А.Б. Антопольский: “Такова ситуация с информацией о финансовой деятельности ведомств и других бюджетных структур. Хотя в базовом законе записано, что запрещено ограничивать доступ к этой информации, фактически ни один из органов управления этого требования не выполняет... Государственная информация должна быть по ценам копирования... Однако можно ли настаивать, чтобы по цене копирования предоставляли, например, любую геологическую информацию?”¹⁴ Между тем далеко не последнюю роль в формировании информационного общества играет уже сложившаяся и продолжающая свое формирование Всемирная коммуникационная сеть - Интернет. По утверждениям специалистов, “Интернет никому не принадлежит, а потому объектом права не является... Эта Сеть как таковая,

однако, не является ни международной организацией, ни государственным образованием, ни общественным объединением, ни иным юридическим лицом, которое вступало бы в правоотношения с какой-либо иной организационной структурой... Поэтому Интернет в целом не является субъектом права... Интернет - виртуальная среда обитания человечества...¹⁵.

Настаивая на ближайшей невозможности вовсе вне рыночного развития ситуации с формированием информационного общества и его регулированием посредством права, директор Центра международного развития и управления конфликтами Университета штата Мериленд (США) Э.Д. Уильсон полагает, что возможны 4 сценария, различающиеся будущим состоянием рынка телекоммуникационных услуг: 1) монопольный сценарий развития с низким уровнем согласованности правил игры и сотрудничества и конкуренции; 2) регулируемая олигополия с широкомасштабным международным сотрудничеством, но низким уровнем конкуренции; 3) свободный рынок с низким уровнем сотрудничества и высокой конкуренцией на глобальном и национальном рынках; 4) максимально высокие уровни конкуренции и сотрудничества¹⁶. Полагая все эти сценарии в равной степени возможными на данный момент, автор в то же время отдает предпочтение четвертому и подчеркивает: "Будущее состояние глобального информационного общества определяется переходом от существующих правил и условий рынка к новым условиям... Последовательность, согласованность, степень участия в этом процессе различных стран также определяют близость, сложность и непротиворечивость будущего глобального информационного общества"¹⁷.

Таким образом, можно заключить, что, предполагая возможность постепенного формирования вне рыночных механизмов и не без оснований допуская исключение из оборота определенных слоев информации, различные исследователи вполне реально оценивают невозможность в ближайшей перспективе уйти на мировых и национальных уровнях от рыночных механизмов социального взаимодействия. Поэтому право должно не только остаться в рамках регулятора соответствующего круга отношений, порождаемых наложением рынка на невозможности присвоения значительного в глобальном обществе круга информации, но и обнаружить в своих глубинах силы, превосходящие в известном смысле действие экономических векторов, т.е. найти механизмы, процедуры не нормативного или прецедентного противостояния, а достижения консен-

суса по всему возникающему кругу вопросов. В этом смысле, хотя, возможно, и в новом качестве, право должно сыграть свою упорядочивающую роль, причем основано оно должно быть на единстве стандартов, когда только общее взаимодействие государственного устройства мира по существу готово будет передать часть своей юрисдикции и полномочий общим органам, не можем мы обслуживаться общей процедурой. Детали возможных перспектив таких механизмов можно и нужно отдельно обсуждать, обозначая проблему как "мировое правительство", "международные суды" и т.п. По большому счету, это общий подход к нормальному бесконфликтному развитию всех вообще названных основных направлений взаимодействия права, процедуры и информационных технологий, который единственно и может быть положен в основание разумного построения будущего общества. Как справедливо отмечает Л. Туроу, «В XXI веке ни одна страна не будет достаточно мощной для того, чтобы разрабатывать, организовывать и обеспечивать соблюдение правил экономической игры. Бывший однополюсный мир, в котором господствовали США, "умер"»¹⁸.

Среди глобальных общечеловеческих информационно-правовых проблем не последнее место занимают совместное противостояние групповому интересу и созданию, правовыми опять-таки средствами, механизмов противостояния присвоению очевидно нового объема власти с правом, как ее механизмом, связанного с новыми информационно-коммуникационными, возможностями и результатами их повсеместного применения. Как справедливо отмечает И.Л. Бачило: "Информационный ресурс будет использоваться как новый вид оружия и угроз, система давления, если и впредь будут сохраняться установки на мировое господство отдельных государств или групп населения, культивироваться методы монополии на рынок, природные и экономические ресурсы, военные методы решения конфликтов и т.п. Информационное общество может стать таковым только при условии глобальных целевых установок гуманитарного, социального, культурного, экономического, экологического характера в планетарном масштабе при уважении многообразия форм организации жизни на планете"¹⁹.

Эта проблема взаимодействия права и новых информационных технологий стоит на самых разных уровнях - начиная от необходимости "ограничения в собственном интересе сверхдержав", кончая правовыми ограничениями действия исключительно в личном интересе всяких

групп вообще, допущенных к власти. Сегодня очевидно, что применение информационных технологий - электронных систем идентификации личности, компьютеризации всех сделок и расчетов, равно как процедуры их регистрации, делает гражданское общество прозрачным для государственного-оформленных структур, давая в случае отсутствия ограничений такой власти неозримые новые горизонты ее новых объемов и качества. Соответственно, дабы технологии не переклестнулись в этом смысле предел их применения на пользу и всего человечества и отдельного человека, право, как единственно доступный на сегодняшний день и реально существующий регулятор, не может утратить своей роли, а должно приобретать некие качественно иные механизмы.

С точки зрения возможностей права и правовой процедуры ограничить групповые фактические интересы сверхдержав некоторые исследователи-реалисты утверждают, что "международное право не может ограничить сверхдержавы, а всяческие правовые аргументы служат исключительно оправдательной риторике"²⁰. Другие, однако, и к их мнению следует прислушаться, полагают, что иного, нежели право, инструмента просто нет, и потому вопрос - в формировании новых форм его существования. Так, Д.Ф. Мерфи, оценивая "проблематику американской исключительности"²¹ как нежелание этой страны зависеть от международного права, пишет: "Отношение США к таким соглашениям, как Киотский протокол, Международный уголовный суд и Конвенция о запрещении сухопутных мин, формировалось на основе того, что у Америки, как единственной сверхдержавы, должно быть исключительное положение"²². При этом отмечает: "В случаях, когда Америка была признана нарушителем норм международного права (дело США против Никарагуа и война в Ираке), ее представители, основываясь на правовых аргументах, оправдали свою позицию"²³. "Однако, - пишет он дальше, - без авторитетного судебного разбирательства подобные аргументы весьма сомнительны"²⁴.

Таким образом вариантов развития права в информационной стадии в обсуждаемом смысле два - концентрация власти в совокупности с новыми возможностями техники, центр которой определится в результате противостояния, и развитие и укрепление тех реально существующих институтов международного права, действие которых основано на консенсусе, согласии, компромиссе. Причем сочетание их может быть не только параллельным, но и последовательным.

Однако верное в отношении России утверждение, что "преобладающая в России политическая культура отличается предпочтением конфронтационных силовых методов, отсутствием культуры диалога, компромиссов и консенсуса"²⁵, к сожалению, в целом справедливо и для сегодняшнего мира. Создание же Европейского союза и системы европейского права с упоминавшимися выше фактически новыми механизмами для физического лица выяснять отношения с государством - носителем публичной власти с наступлением санкций для последнего, основанных на нормах международного права, все же свидетельствует о принципиальной возможности создания и функционирования наднациональных органов и правовых норм. Не последнюю роль в этом процессе играет унификация национальных законодательств.

В данном отношении интересна предложенная немецкими учеными доктрина "комплементарной надгосударственности". Авторы ее считают необходимыми следующие шаги: "во-первых, учредить общеобязывающую межгосударственную систему правосудия со специальной компетенцией; во-вторых, четко сформулировать компетенцию по обеспечению мира, прежде всего права применения принуждения, включая применение силы"²⁶. Совершенно согласны с мнением, что "в центре юридико-политических дискуссий должны находиться реально существующие проблемы сообщества государств, а не догматические основы традиционного международного права с его акцентом на центральное значение государственного суверенитета"²⁷.

В настоящее время фактически осуществляется процесс централизации и унификации судебных процедур на межгосударственном уровне - Европейский Суд по правам человека, в отличие от действовавших ранее и не являвшихся профессиональными Европейской комиссией по правам человека и бывшего, действовавшего в совокупности с ней Европейского суда по правам человека, функционирует теперь на профессиональной основе, все заявители имеют прямой доступ к суду, и государства выступают прямо ответчиками за нарушение норм международного права, существует специальный орган по надзору за исполнением его решений - Комитет министров, имеющий право при осуществлении соответствующих мер (изменении внутреннего законодательства или выплате компенсации) принять резолюцию о прекращении дела. Это, бесспорно, правовое движение к "европейскому общественному порядку"²⁸.

Потребность сделать достижения в области прав человека константой дальнейшего развития

права будет важнейшим направлением сохранения жизни права в его новых качествах. Действия межгосударственных соглашений в этой сфере никто не отменял. С одной стороны, они требуют новых обеспечительных механизмов от права, с другой - сами создают новые, "компьютерные" права человека: права на доступ к информации, права на информационную безопасность, права на информационное самоопределение и т.д. В ч. 2 ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод определяется следующее правило: "...право получать и распространять информацию, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с формальностями, условиями, ограничениями, или штрафными санкциями, предусмотренными законом и необходимыми в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности, или общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, защиты здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия"²⁹. Таким образом, затронуты обе стороны вопроса - новые регулируемые объекты и их потребность в праве как механизме упорядочения.

Важно подчеркнуть, что неверно отождествлять "компьютерное право" и "право информационное"³⁰. Второе понятие значительно шире, и все то, что выходит за пределы компьютерного способа собирания, копирования, передачи информации, что есть сама информация, то, что прямо не относится к информационно-коммуникационным технологиям, тем не менее, представляет социальную реальность информационного общества и также нуждается в правовом упорядочении. Вероятным вариантом развития событий является постепенное сращивание обоих понятий, поскольку "возможно, что в 21 веке электронная (компьютерная) информация будет доминировать"³¹.

Взаимодействие информационных технологий и права порождает необходимость по-новому посредством правовых форм определить "информационные" функции государства и новые принципы функционирования государства как субъекта права в новой, нарождающейся межгосударственной среде. Для России эта сфера государственных полномочий является относительно новой, первые попытки, предпринятые именно со стороны государства по "упорядочению информации" относят к 70-м гг. прошлого века в

США, когда была создана специальная комиссия по изучению влияния компьютерных технологий на приватность, например. Одним из значимых итогов работы комиссии стал известный Кодекс справедливого использования информации, предлагающий пять исходных принципов осуществления информационной функции государства³². К сожалению, следует признать, что до сих пор попытки всеобъемлюще описать "информационные" функции государства не увенчались успехом. Более того, в различных государствах, даже там, где, как и в России, принято соответствующее национальное законодательство, предметно ограничить подобным описанием конкретную компетенцию государственных органов пока не удается.

Так, Ю.Г. Просвирин, определяя "информационную" функцию государства, пишет: "Это основное направление его деятельности по развитию информационной среды России, которое охватывает всю совокупность производств и отношений, связанных с созданием, хранением, обработкой, передачей информации во всех ее видах - экономической, правовой, научной, образовательной, управленческой и т.п."³³ Следует отметить, что новый отечественный федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и защите информации" от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ³⁴, пришедший на смену прошлому начальному Закону, верно определил подход к обозначению государственных функций в этой сфере и правовому регулированию. В ст. 3, посвященной данному вопросу, сказано, что все государственное регулирование осуществляется на основе предлагаемых законом принципов - прежде всего свободе поиска, получения, производства, распространения информации любым законным способом (ограничения возможны только на уровне федерального закона), открытости информации о деятельности государственных органов с тем же подходом к способу ограничения правила и необходимости соблюдать тайну частной жизни лица.

Очевидно, что состав функций правового государства в информационном обществе существенно расширяется не только в сторону распространения и надлежащего хранения информации. Это и то, что можно обозначить в качестве следующего направления взаимодействия права и информационно-коммуникационных технологий, а именно: обеспечение безопасности измеряется в информационном обществе не только на уровне личного показателя, речь идет и о необходимости, часто прямо информационными средствами, обеспечить информационную

безопасность экономических субъектов права; социальных групп, государств, человеческого социума в целом; механизм ее обеспечения тоже очевидно носит правовой характер.

Взаимодействие информационных технологий и права рождает и проблему соотношения и справедливого обозначения именно в праве публичных и частных интересов, новый круг которых порожден информационными технологиями, такими как публичность общественно-значимой информации с одновременным обеспечением тайн - личной, коммерческой, интеллектуальной, с подкреплением этого баланса именно правовыми средствами как на внутригосударственном, так и на международном уровне. Как уже отмечалось, должна быть надлежащим образом обеспечена пара "приватность (анонимность) и публичность".

Взаимодействие права и новых информационных технологий присутствует и в таком измерении, как новые информационные преступления и новые информационные средства борьбы с ними. Одним из аспектов темы является борьба новыми средствами со "старыми" преступлениями. Таковым направлением выступают, например, борьба с коррупцией³⁵ и т.д. Всегда следует помнить, что определение каждого из направлений тесно связано с остальными. Очевидно, что последнее из названных корреспондирует с категорией как традиционных, так и новых "прав человека".

"Желательно на международном уровне унифицировать законодательство, защищающее компьютерное право", - совершенно справедливо отмечает А.А. Петров³⁶, и это не в последнюю очередь касается унификации составов правонарушений разного уровня, равно как и еще одного направления взаимодействия новых технологий и права, в данном случае, прежде всего, процессуального.

В рамках взаимодействия информационно-коммуникационных технологий и права все чаще речь идет о "механизации", а точнее, "компьютеризации" технологий управления, причем не только в процедурах в частном праве (внутренний фирмационный менеджмент), но и государственного и муниципального управления. В отсутствие международного суверена так вопрос на этом уровне еще не стоит, однако следует иметь в виду уже реально появившиеся возможности электронного документооборота, в том числе и на уровне международных судебных учреждений - Европейского Суда по правам человека, допускающего в своей процедуре обращения с жалобой и ее регистрацию на сайте соответствующе-

го органа и т.д. В конечном итоге медиасудо-производство, равно как и электронный документооборот, есть лишь частные элементы такого нового типа управления, каким является управление посредством компьютерных сетей. Основанные на этом подходе и широко применяемые уже в мире формы "электронных" государств и правительств представляют собой не что иное, как результат взаимодействия новых информационных технологий и права. Все это свидетельствует о том, что наступает новая эра правового регулирования, особо остро нуждающаяся на данной стадии в самой идеологии регулирования нового и по-новому. В рамках последнего названного направления взаимодействия актуализируются в связи с новыми технологическими, информационными возможностями проблемы идентификации личности в ее отношениях с государством или государствами, государственными и иными органами и организациями, ее отнесения к пространственной юрисдикции государств, а также и вопросы компетенции, юрисдикции государственных управленческих и судебных органов.

Реальным является и взаимодействие информационных технологий и права в частно-правовых сферах: повсеместная информатизация торговли, оказания самого разного рода услуг и иной частно-правовой деятельности в высокой степени активизирует потребность в адекватном правовом фиксировании легитимности сделок. Передача значительных объемов информации телекоммуникационными средствами актуализировала в настоящее время, на межгосударственном в том числе уровне, вопросы правового оформления авторских и иных смежных прав; необходим единый и адекватный свод правил по условиям получения и пользования информацией как товаром и вне товарооборота. Все эти процессы настоятельно нуждаются в правовом упорядочении статуса электронного документа как в позитивном правоприменительном процессе, так и в юрисдикционных процедурах, причем требования эти не могут не быть унифицированными, насколько не может быть разделен по "национальным квартирам" сам предмет правового регулирования.

Очевидным направлением взаимодействия информационных технологий и права является возможность качественно нового упорядочения правотворчества и правоприменения. Упорядочение правотворческого процесса сводится к возможности быстрого обнаружения всех действующих, готовящихся к вступлению в силу и отмененных норм, для достижения их соотноси-

мости с предлагаемыми к принятию правилами, законопроектами, иными нормативными установлениями. Гиперссылки информационного пространства позволяют в высокой степени достоверно соотносить их между собой, чем, безусловно, достигается желаемая непротиворечивость регулирования. Взаимное влияние достигается, в этом смысле и на уровне правоприменения. Очевиден эффект возможности пользования всем законодательством и судебной практикой в международном масштабе и в его взаимных связях и взаимозависимостях. Столь же очевидно, что возможность реально уже произошедшего сращивания общего и континентального права с точки зрения пользования как судебной в общем, так и прецедентной практикой возникла в правоприменении. С высокой степенью уверенности можно утверждать, что утверждение новых норм международного права, когда национальное законодательство тесно связано с происходящими процессами информатизации общества, произойдет (по аналогу с общеевропейским правом и правом Европейского союза) - во всяком случае на первом этапе - исключительно на уровне принципа, а не правила, и, сообразно, правоприменение соответствующих норм надгосударственными органами не может осуществляться иначе, нежели по общим правилам жизни общего, а не континентального права.

¹ Глобальное сотрудничество в области науки и техники: (Обзор научной периодики) // Глобализация: контуры XXI века: реферат. сб. Ран ИНИОН. Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем, Отдел Восточной Европы / под ред. Ю.И. Игрицкого. М., 2004. Ч. 3. С. 137.

² См.: Глобальное сотрудничество в области науки и техники: (Обзор научной периодики). С. 145.

³ См., например: Павлушина А.А. К вопросу о российском надзоре // Инновации в государстве и праве России: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ч. 2. Н. Новгород, 2007. С. 57-64.

⁴ Копылов В.А. Информационное право: вопросы теории и практики. М., 2003. С. 293.

⁵ Там же. С. 294.

⁶ Яковенко А.В. Альянс цивилизаций и мировая политика. (Дипломатическая программа международных Лихачевских научных чтений. Международный диалог культур. Вып. 2). СПб., 2008. С. 10. См. также: Симония Н.А. Россия и Европейский союз: сотрудничество или соперничество. СПб., 2008; Алферова Е.В., Андреева Г.Н. Европейское право и национальное законодательство. 2007. С. 25.

⁷ Туманов В.А. Европейский Суд по правам человека: очерк организации и деятельности. М., 2001. С. 47-48.

⁸ Павлушина А.А. Акты Европейского Суда по правам человека в правовой системе РФ // Источники права: проблемы теории и практики: материалы конф. М., 2008. С. 180.

⁹ Регламент □ 715/2007 Европейского парламента и Совета Европейского союза "О типовом утверждении транспортных средств в отношении выбросов легковых пассажирских и коммерческих автомобилей (ЕВРО5 И ЕВРО6), допуске отремонтированных транспортных средств и получении информации" (Вместе с "предельными выбросами", "изменениями к директиве 70/156/ЕС"). Принят в г. Страсбурге 20 июня 2007 г.

¹⁰ См., например: Электронный паблишенг: сб. статей. URL: <http://www.Beauty-sinanz.infindex.php>; Берестнев П. Защищать или не защищать свой информационный товар. URL: www.webfocus.ru; и др.

¹¹ См.: Гарфинкель С. Все под контролем: Кто и как следит за тобой / пер. с англ. В. Мяснянкина. Екатеринбург, 2004. С. 17.

¹² Туроу Л. Есть ли будущее у капитализма? // Глобализация: контуры XXI века: реферат. сб. М., 2004. Ч. 2. С. 153.

¹³ Там же. С. 156.

¹⁴ Антопольский А.Б. Основные проблемы организации доступа к государственным информационным ресурсам. Информационное общество. 2000. Вып. 5. С. 1.

¹⁵ Копылов В.А. Информационное право: вопросы теории и практики. С. 295.

¹⁶ Уилсон Э.Дж. На пути к глобальному информационному будущему (Wilson E.J. Inventing the global information future // Futures. Guildford, 1998. Vol. 30, 1).

¹⁷ Там же. С. 190.

¹⁸ Туроу Л. Будущее капитализма: пер. с англ. Новосибирск, 1999. С. 156.

¹⁹ Бачило И.Л. Глобальная информатизация и право // Информ.-аналит. журн. 2000. □ 5. С. 5. URL: <http://www.fact.ru>.

²⁰ Мерфи Д.Ф. США и верховенство закона в международных отношениях // Международно-правовые стандарты в международном праве: сб. науч. тр. Ч. 2 / под ред. И.А. Конюховой. М., 2007. С. 143.

²¹ Там же. С. 145.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Фадеева Т.М. Европейский союз и Российская Федерация: две модели федерализма: аналит. обзор. М., 2007. С. 87.

²⁶ Штайгер Х. Нужна ли нам мировая республика? // Международно-правовые стандарты в конституционном праве. С. 130-131. См. также: Хеффе О. Справедливость: философское введение. М., 2007.

²⁷ Дольцер Р. Хорошее управление: новый транснациональный путеводный образ государственности? // Международно-правовые стандарты в конституционном праве. С. 127.

²⁸ Доценко Т.А. Реформирование основных контрольных механизмов Совета Европы в области прав

человека // Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод: Проблемы реализации в России: материалы международного семинара (Н. Новгород, 17-18 марта 1999 г.) Т. 2. Н. Новгород, 1999. С. 12.

²⁹ Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-001.htm>.

³⁰ См.: *Тихомиров Ю.А.* Публичное право. М., 1995. С. 339; *Копылов В.А.* Информационное право: учеб. пособие. М., 1995. С. 21; *Батурин Ю.М.* Проблемы компьютерного права. М., 1991. С. 136.

³¹ *Петров А.А.* "Компьютерное" право человека // Европейская конвенция о защите прав челове-

ка и основных свобод: Проблемы реализации в России. материалы междунар. семинара (Н.Новгород, 17-18 марта 1999 г.) Т. 2. Н. Новгород, 1999. С. 42.

³² Там же. С. 20-21.

³³ *Просвирина Ю.Г.* Информационная функция государства // Журн. рос. права. 2002. □ 3. С. 34.

³⁴ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон РФ от 27 июля 2006 г. □149-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2006. □ 31 (1 ч.). Ст. 3448.

³⁵ Как известно, здесь не последнюю роль играет именно прозрачность процедуры.

³⁶ *Петров А.А.* Указ. соч. С. 45.

Поступила в редакцию 07.10.2010 г.